

Джозеф Шеридан Ле Фаню Живописец Шалкен

«Лучшие истории о привидениях»: Терра-Книжный клуб; Москва, 1998
ISBN 5-300-02237-3

Аннотация

Годфри Шалкен обучался в студии голландского художника Герарда Доу и тайно влюбился в его племянницу. По злой иронии судьбы ему пришлось поучаствовать в разрушении счастья любимой. Тайна этого странного брака породила лучшую картину живописца Шалкена.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Живописец Шалкен

Ибо Он не человек, как я, чтобы я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним! Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас. Да отстранит Он от меня жезл Свой, и страх Его да не ужасает меня.

До нашего времени дошло, причем в хорошем состоянии, одно из самых замечательных полотен живописца Шалкена. На неискушенный взгляд, основная заслуга художника состоит в хитроумной игре света и тени. Я не зря сказал «на неискушенный взгляд», потому что истинное достоинство этой картины заключается не в манере письма, как бы изысканна она ни была, а в самом портрете. На полотне представлено убранство комнаты, напоминающей внутренние покои античного храма. На переднем плане изображена женская фигура в просторном белом одеянии, край которого прикрывает лицо наподобие вуали. Обстановка мрачной залы дышит религиозной торжественностью, однако покрой платья не имеет ничего общего с обрядовой строгостью. В руке женщина держит лампу, единственный источник света, озаряющего ее лицо. Губы красавицы изогнулись в лукавой улыбке, так свойственной хорошеньким женщинам, когда они задумают какую-нибудь шалость. На заднем плане, погруженном в сумрак, нарушаемый лишь тусклым

отблеском угасающего очага, что выхватывает из мрака фигуру женщины, стоит мужчина в костюме старинного фламандского покроя. Его что-то встревожило, он настороженно положил руку на эфес шпаги, готовый пустить оружие в ход.

Есть на свете картины, при взгляде на которые мы, не зная уж каким образом, сразу понимаем, что на них изображено не просто сочетание идеальных форм и линий, возникающих в воображении художника, а подлинные, существовавшие когда-то лица, сцены, люди. Такое ощущение реальности происходящего вызывает у зрителя и эта удивительная картина.

Первое впечатление вас не обманывает: художник увековечил на своем полотне действительное, и очень загадочное, происшествие, а женская фигура представляет собой точный портрет Розы Вельдеркауст, племянницы Герарда Доува¹, первой и, полагаю, единственной возлюбленной Годфри Шалкена. Мой прапрадедушка хорошо знал живописца; от Шалкена он услышал таинственную историю картины, от него же получил ее в посмертный дар. И само полотно, и его история стали фамильным достоянием моей семьи; я расскажу ее в том виде, в каком она передается из уст в уста, от поколения к поколению.

Вряд ли найдутся на свете люди, которым романтические одеяния были бы менее к лицу, чем неуклюжей деревенщине Шалкену — самому неотесанному, но при этом самому искусному из живописцев, картины которого вызывают у ценителей наших дней восторг столь же бурный, сколь сильное отвращение внушали манеры художника его утонченным современникам. Тем не менее, этот простолюдин, упрямый, неопрятный грубиян, в лучшие свои дни, на гребне славы, был героем пылкого, тайного, удивительного романа.

В дни своего ученичества у бессмертного Герарда Доува Шалкен был очень молод и, невзирая на внешнюю флегматичность, однажды влюбился по уши в очаровательную племянницу богатого мастера. Роза Вельдеркауст была еще моложе его, ей не исполнилось и семнадцати. Если легенда говорит правду, трудно было сыскать на свете девушку прелестнее Розы: нежная и мягкая, она походила на белокурую фею из фламандских сказок. Юный художник влюбился всей душой, и пылкие восторги его были вознаграждены. Он объяснился в любви и услышал ответное робкое признание. Не было на свете художника счастливее него. Однако нашлись обстоятельства, омрачившие бурную радость юноши: он был беден и незнатен. Шалкен не осмеливался просить у старого Герарда руки прелестной воспитанницы. Сначала нужно было добиться признания и достатка.

Впереди его ждало немало суровых испытаний. Художнику предстояло в одиночку создавать себе положение в свете, где обстоятельства складывались отнюдь не в его пользу. Однако он завоевал сердце Розы Вельдеркауст и считал себя на полпути к победе. Стоит ли говорить, что усердие его было вознаграждено; доказательством тому служит всемирная слава художника, не поблекшая и поныне.

Однако усердный труд живописца и, что еще хуже, окрылявшие его надежды были загублены в самом разгаре, при обстоятельствах столь странных и загадочных, что любые попытки разобраться в них неизменно заходили в тупик, а сами события тех дней теряются в дымке мистического ужаса.

Однажды вечером Шалкен задержался в мастерской дольше своих коллег — учеников и в одиночестве заканчивал работу. Когда яркий дневной свет померк, он отложил краски и занялся карандашным эскизом, над которым в последние дни трудился чрезвычайно старательно. Рисунок воплощал искушения святого Антония. Молодому художнику, возможно, недоставало религиозного подъема, однако он достаточно хорошо разбирался в композиции, чтобы остаться недовольным своей работой. Многочисленные подчистки и исправления, которыми пестрели изображения как самого святого, так и дьявола-искусителя, не принесли, однако, желаемого результата. В большой, обставленной старинной мебелью комнате стояла тишина, рядом с Шалкеном не осталось никого из обычных товарищей по работе. Прошел час, подходил к концу другой, а рисунок никак не удавался. Солнце давно зашло, сумерки сгустились в непроглядную ночную мглу. Терпение молодого художника подошло к концу, он, злясь на себя, стоял перед неоконченной работой, запустив руку в

длинные волосы, и сжимал кусочек угля, никак не желавший сослужить ему верную службу. Не замечая, что делает, не обращая внимания на уродливые черные полосы, он раздраженно водил углем по широким фламандским штанам.

— Будь проклята эта картина! — в сердцах проговорил юноша. — Будь прокляты и бесы, и дьявол, и сам святой...

В тот же миг позади него, совсем рядом, раздался тихий шорох. Художник резко обернулся и впервые заметил, что за его работой внимательно наблюдает какой-то человек. Ярдах в полутора за спиной у Шалкена стоял высокий старик в плаще и широкополой шляпе. Рука, скрытая в перчатке с широким раструбом, сжимала длинную трость черного дерева, на конце которой тускло поблескивал в сумеречном свете массивный золотой набалдашник. На груди, среди складок плаща, сверкала тяжелая цепь из того же металла. В комнате было так темно, что лицо незнакомца, прикрытое полями шляпы, оказалось совершенно неразличимым. Трудно было оценить возраст незваного гостя, однако, судя по темным седеющим волосам, выбивавшимся из-под шляпы, и по величественной осанке, вряд ли ему было больше шестидесяти. В наряде незнакомца было что-то мрачное и торжественное, а его манера держаться, каменная неподвижность идеально прямой спины вселяла такой трепет, что резкие слова, готовые сорваться с уст рассерженного художника, застыли у него на губах. Едва оправившись от неожиданности, Шалкен вежливо пригласил странного гостя сесть и спросил, не желает ли тот передать его наставнику какое-либо послание.

— Сообщите Герарду Доуву, — произнес незнакомец, ни на волос не изменив позы, — что завтра вечером, в этот же час и, по возможности, в этой же самой комнате с ним желает говорить минхеер Вандерхаузен из Роттердама. Разговор пойдет об очень серьезных вещах. Это все.

Закончив свою речь, незнакомец повернулся и, не успев Шалкен сказать хоть слово в ответ, быстрым, однако почти неслышным шагом вышел из комнаты. Юноше стало любопытно, в какую сторону по выходе из особняка пойдет почтенный роттердамский бюргер, и он торопливо подошел к окну, выходившему на улицу прямо над дверью. Парадный вход отделялся от внутренней двери в комнату художника довольно обширным вестибюлем, и Шалкен был уверен, что занял свой наблюдательный пост прежде, чем старик успел выйти из дому. Он долго прождал у окна, однако на улице так никто и не появился. Незнакомец не мог покинуть дом иным путем, так как другого выхода в здании не было. Куда же исчез диковинный старик? Может быть, он с недобрым умыслом укрылся где-нибудь в потайном углу вестибюля? В сердце Шалкена закралась смутная тревога, внезапно ему стало страшно оставаться в студии одному, но вместе с тем он не мог заставить себя пройти через вестибюль. В сравнении с незначительностью происшествия страх его казался необъяснимо силен; сделав над собой усилие, юноша решился выйти из комнаты. Шалкен запер дверь, положил ключ в карман и, не оглянувшись ни направо, ни налево, пересек коридор, в котором только что прошел, а может быть, до сих пор скрывается таинственный посетитель. Только очутившись на улице, художник перевел дух.

— Минхеер Вандерхаузен! — рассуждал сам с собой Герард Доув, ожидая приближения назначенного часа. — Минхеер Вандерхаузен из Роттердама! До вчерашнего дня ни разу о таком не слышал. Чего он от меня хочет? Наверно, попросит написать портрет, а может быть, бедный родственник просится в ученики, или нужно оценить коллекцию, или же... хм! Вряд ли, никто в Роттердаме не мог оставить мне наследство. Что ж, вскоре мы узнаем, что у него за дело ко мне.

День клонился к закату. Как и накануне, все мольберты, за исключением того, где работал Шалкен, пустовали. Герард Доув нетерпеливо мерил комнату шагами, то и дело останавливаясь, чтобы повнимательнее рассмотреть работы учеников, но затем снова подходил к окну, глядя на прохожих, спешивших по сумеречному переулку, где располагался особняк старого художника.

— Если не ошибаюсь, Годфри, — проворчал Доув, оторвавшись от бесплодного созерцания полутемной улочки, — ты сказал, что он обещал прийти, как только часы на

ратуше пробьют семь?

— Да, господин, когда я увидел его, как раз пробило семь часов, — ответил ученик.

— Значит, время близится, — заключил мастер, взглянув на брегет, большой и круглый, как апельсин. — Минхеер Вандерхаузен из Роттердама — верно я говорю?

— Да, таково его имя.

— Пожилой человек в богатом костюме? — задумчиво расспрашивал Доув.

— Насколько я сумел разглядеть, — ответил ученик, — он был немолод, однако и не очень стар. Платье на нем было роскошное и строгое, как у богатого, уважаемого бюргера.

В этот миг раздался громкий гул: часы на ратуше величаво пробили семь. И художник, и его ученик устремили взгляд на дверь. С последним ударом колокола Доув воскликнул:

— Так, так, если его милость собирается явиться к им же назначенному часу, значит, вскоре мы будем иметь честь лицезреть его. Если же нет, вы, Годфри, если хотите, можете дожидаться, а мне недосуг. Что, если это всего лишь шутка, разыгранная надо мною Ванкарпом или каким-то другим повесой? В таком случае, Годфри, окажите любезность старику, отметьте как следует старого бургомистра. Ставлю дюжину бутылок рейнского, что его милость тотчас сбросит маскарадный костюм и взмолится о пощаде.

— Вот он, сударь, — предостерегающе произнес Шалкен. Перед Герардом Доувом предстал тот же суровый посетитель, которого накануне с удивлением разглядывал его ученик.

Величественные манеры незнакомца тотчас же убедили старого художника, что о маскараде тут нет и речи. Перед хозяином предстал человек в самом деле состоятельный. Художник снял шляпу и церемонным поклоном приветствовал гостя, пригласив его сесть. Незнакомец шевельнул рукой, словно в знак благодарности, однако остался стоять.

— Надо полагать, я имею честь видеть минхеера Вандерхаузена из Роттердама? — спросил Герард Доув.

— Он самый, — лаконично ответил гость.

— Полагаю, ваша милость желает поговорить со мной, — продолжал Доув. — К вашим услугам, сударь.

— Этому человеку можно доверять? — спросил Вандерхаузен, глядя на Шалкена, стоявшего в двух шагах за спиной учителя.

— Вполне, — откликнулся Герард.

— Тогда пусть он возьмет эту шкатулку и отнесет ее на оценку к ближайшему ювелиру или златокузнецу, а затем вернется, имея на руках экспертное заключение о стоимости находящихся в ней предметов.

С этими словами незнакомец вложил в руку Герарда Доува небольшой квадратный ящичек дюймов девяти в поперечнике. Тот взвесил его в руке и подивился как неожиданной тяжести маленькой коробки, так и странной поспешности, с которой вручил ее таинственный гость. Выполняя просьбу незнакомца, он передал шкатулку Шалкenu и, повторив указания, отпустил ученика.

Шалкен тщательно прикрыл драгоценную ношу полами плаща и, торопливо пробежав по двум-трем узким улочкам, остановился возле углового дома, нижний этаж которого занимала лавка еврея-златокузнеца. Художник вошел в лавку и окликнул хозяина. Тот проворно вынырнул откуда-то из темной глубины помещения. Шалкен положил перед ним шкатулку Вандерхаузена. При свете лампы обнаружилось, что коробочка со всех сторон обшита листовым свинцом. Наружная поверхность покрытия побелела от времени и покрылась пятнами и царапинами. Вскрыв свинцовую оболочку, художник с ювелиром обнаружили коробочку из какого-то твердого Дерева. Не без труда им удалось открыть ее и, сняв два или три слоя льняного полотна, добраться до содержимого. В шкатулке находилось множество золотых слитков, плотно уложенных и, как объявил ювелир, самой высокой пробы. Маленький еврей внимательно осматривал слиток за слитком, получая видимое удовольствие от прикосновения к драгоценному металлу, а затем осторожно укладывал их обратно, каждый раз восклицая:

— Майн готт, что за совершенство! Ни капли примесей! Чудесно, чудесно!

Наконец работа была завершена, и ювелир собственноручно написал заключение о стоимости слитков, оценив их ни много ни мало в несколько тысяч риксталеров. Положив в карман искомый документ, крепко сжав под мышкой и укрыв плащом драгоценную шкатулку, художник отправился в обратный путь. Вернувшись в студию, он обнаружил, что хозяин с гостем сосредоточенно о чем-то совещаются.

Отправив Шалкена с важным поручением, Вандерхаузен дожидался, пока за юношей закроется дверь, а затем обратился к Герарду Доуву с такими словами:

— К сожалению, сегодня вечером я могу уделить вам лишь несколько минут, поэтому сразу перейду к делу, ради которого прибыл сюда. Около четырех месяцев назад вы были в Роттердаме. Как только я увидел в церкви святого Лаврентия вашу племянницу, Розу Вельдеркауст, я тотчас же решил жениться на ней. Надеюсь, вы с уважением отнесетесь к моей просьбе, так как я богаче любого из мужей, какого вы можете для нее пожелать. Если вы согласны принять мое предложение, то прошу вас дать ответ незамедлительно, здесь и сейчас, потому что я не терплю промедлений.

Манера разговаривать минхеера Вандерхаузена немало ошеломила Герарда Доува, однако он не отважился открыто выразить удивление, и не только из соображений вежливости и добропорядочности, в присутствии незнакомца художник испытывал необъяснимую подавленность, наподобие той, что ощущает человек, поневоле оказавшийся рядом с тем, к кому он испытывает природную неприязнь. Чувство это трудноопределимо, однако побороть его бы нелегко; художник боялся невзначай оброненным словом обиде эксцентричного визитера.

Герард смущенно прокашлялся.

— Не сомневаюсь, — начал он, — что, предлагая моей племяннице руку и сердце, вы оказываете ей честь, однако осмелюсь напомнить, что моя воспитанница вольна поступать согласно велениям собственного сердца и может не согласиться с навязанным ей решением, пусть даже мы с вами сочтем его разумным и целесообразным. |

— Не пытайтесь провести меня, господин художник, — произнес Вандерхаузен. — Вы ее опекун, а она ваша воспитанница если вы возьмете на себя труд заставить ее, она будет моей,

При этих словах роттердамец чуть поддался вперед, и Герард Доув, сам не зная почему, взмолился про себя о скорейшем возвращении Шалкена.

— Я желал бы, — продолжал таинственный гость, — незамедлительно предоставить вам свидетельство моего благосостояния и дать гарантии великодушного отношения к вашей племяннице. Через минуту-другую ваш человек вернется и принесет в шкатулке сумму, в пять раз превышающую размеры состояния, какое ваша племянница вправе ожидать от будущего мужа. Эта сумма будет передана в ваши руки; вы вольны присоединить ее к приданому невесты и распорядиться ею к вящей пользе племянницы. Покуда она жива, эти деньги будут всецело принадлежать ей. Я доказал свою щедрость?

Доув согласно кивнул; в душе он не мог не признать, что такое предложение было для племянницы подарком судьбы; незнакомец, по-видимому, богат и не скуп, а такими женихами не разбрасываются, пусть даже он капризен в обращении и не слишком приятен на вид. Своим приданым, более чем скромным, Роза целиком была обязана дядюшкиным щедротам, поэтому не резон ей быть чересчур разборчивой. Отказывать по причине высоты происхождения ей также не было смысла — Роза отнюдь не отличалась знатностью, что же касается других возражений, которые могла выдвинуть девушка, то Герард, сообразно обычаям своего века, имел полное право не прислушиваться к ним, по крайней мере до поры до времени.

— Сударь, — обратился художник к странному гостю, — ваше предложение чрезвычайно великодушно, и известные колебания, которые я испытываю, пытаюсь принять решение немедленно, связаны с тем, что я не имею чести ничего знать ни о вашей семье, ни о положении в обществе. Надеюсь, вам не трудно будет удовлетворить мою

любопытность?

— Что касается положения в обществе, — сухо ответил незнакомец, — вам придется принять мои слова на веру; и не докучайте мне излишними расспросами, вам все равно не удастся узнать больше, чем я сочту нужным раскрыть. Вы получите достаточную гарантию моего солидного положения — мое слово; если вы человек чести, оно вас удовлетворит, а если нет — подтверждением станет мое золото.

«До чего вспыльчивый старик, — подумал Доув. — Привык делать все по-своему. Но, по зрелом размышлении, не вижу причин отвергать его предложение. Однако не стоит и связывать себя ненужными обещаниями».

— Вам не придется связывать себя ненужными обещаниями, — сказал Вандерхаузен, странным образом повторив слова, только что промелькнувшие в голове собеседника. — Полагаю, однако, при необходимости вы не откажетесь взять на себя письменные обязательства; я же докажу, что обойтись без этого невозможно. Если золото, которое я передам в ваши руки, удовлетворит вас и если вы не собираетесь тотчас же отвергать мое предложение, то вы должны, прежде чем я покину ваш дом, поставить свое имя под этой бумагой.

С этими словами гость протянул художнику документ, согласно которому он, Герард Доув, обязался выдать свою племянницу, Розу Вельдеркауст, замуж за Вилькена Вандерхаузена из Роттердама не позднее, чем по истечении одной недели сверх указанной даты. Пока художник в свете мерцающего пламени масляной лампы, висевшей на дальней стене, изучал содержание договора, в студию, как уже говорилось, вошел Шалкен.

Он передал гостю тяжелую шкатулку и оценочное заключение, выданное евреем, и собрался уйти, но Вандерхаузен знаком велел ему подождать. Гость вручил шкатулку с заключением Герарду Доуву и в молчании дождался, пока тот оценит размер залога, переданного ему в руки. Затем он произнес:

— Вы удовлетворены?

Художник ответил, что предпочел бы получить хотя бы один день на размышление.

— Ни единого часа, — возгласил неумолимый гость.

— Ну что ж, — собравшись с духом, проговорил Доув. — В таком случае я согласен.

— Тогда подписывайте немедленно, — велел Вандерхаузен. — Я устал.

Он достал коробочку с письменными принадлежностями, и Герард скрепил суровое обязательство своей подписью.

— Пусть этот юноша засвидетельствует вашу руку, — приказал старик, и бедный Годфри Шалкен, сам того не сознавая, поставил свою подпись под документом, навсегда отнимавшим у него драгоценную Розу Вельдеркауст.

Договор был заключен. Необычайный гость свернул бумагу и надежно спрятал ее во внутренний карман.

— Я нанесу вам визит завтра вечером в девять часов, Герард Доув, и собственными глазами увижу предмет нашего соглашения. — С этими словами Вилькен Вандерхаузен вышел из комнаты. Двигался он неуклюже, с неестественной оцепенелостью, однако довольно проворно.

Желая разобраться, куда исчезает таинственный гость, Шалкен встал возле окна и принялся следить за выходом. Однако сомнения его лишь усугубились: загадочный старик так и не вышел из дверей. Это было, странно, необъяснимо; юноше стало страшно. На обратном пути художник и его подмастерье разговаривали мало: у каждого были свои поводы для раздумий, тревог, надежд. Впрочем, Шалкен до сих пор не подозревал о несчастье, разрушившем его самые светлые мечты.

Герард Доув не знал о помолвке своего ученика с племянницей, а даже если бы и знал, вряд ли счел бы ее серьезным препятствием для обручения Розы с минхеером Вандерхаузенем. Браки в те времена были предметом торговли и строились на материальном расчете; любой здравомыслящий опекун счел бы безумием при заключении подобных договоров принимать во внимание устную помолвку — это было бы все равно что

составлять расписки и долговые обязательства на языке любовных романов.

Художник не спешил сообщать племяннице о важном шаге, имеющем к ней самое непосредственное отношение, и не потому, что опасался серьезных возражений с ее стороны; просто Доув сознавал, что попал в нелепейшее положение — если девушка попросит его описать будущего жениха, ему придется признать, что он ни разу не видел его лица и даже на Страшном суде не сумел бы опознать его. На следующий день, после обеда, Герард Доув подозвал племянницу и, окинув ее удовлетворенным взглядом, взял за руку. Глядя в прелестное невинное личико, он с доброй улыбкой произнес:

— Роза, девочка моя, твое лицо сделает тебя богатой. — Роза вспыхнула и улыбнулась. — Такое хорошенькое личико редко сочетается с добрым нравом, но Господь щедро одарил тебя, и мало найдется холодных сердец, способных устоять перед твоим очарованием. Доверься мне, девочка, и скоро ты пойдешь под венец. Однако не будем тратить времени на болтовню; подготовь к восьми часам большую гостиную и прикажи подать ужин в девять. Ко мне придет друг. Послушайся меня, крошка, оденься понаряднее. Я не хочу, чтобы он подумал, будто мы нищие оборванцы или неряхи. — Сказав так, он оставил девушку и пошел в студию, где работали ученики.

Когда наступил вечер, Герард подозвал Шалкена, собравшегося уже уходить домой, в тесную полутемную квартирку, и пригласил его остаться и отужинать с Розой и Вандерхаузенom. Приглашение было, разумеется, принято, и вскоре Герард Доув с учеником сидели в уютной гостиной, даже в те годы считавшейся немного старомодной. Все было готово к встрече гостя. В камине весело пылали дрова, пляшущие языки пламени отражались на старинном полированном столе, который сверкал, словно позолоченный, в ожидании роскошного ужина. Вокруг стола в строгом порядке были расставлены чопорные стулья с высокими спинками, недостаток изящества которых с лихвой возмещался удобством резных сидений. Роза, ее дядюшка и молодой художник с нетерпением ждали прибытия важного гостя. Наконец часы пробили девять, и в ту же минуту у парадного входа раздался стук молотка. Слуга открыл дверь; на лестнице послышались неторопливые тяжелые шаги.

Дверь в гостиную медленно отворилась, и на пороге показалась фигура, при виде которой не на шутку испугались даже флегматичные голландцы. Бедная Роза чуть не завизжала от ужаса. Очертаниями фигура напоминала минхеера Вандерхаузена и была одета в его костюм. Силуэт, походка, рост — все было тем же самым, однако никто из собравшихся ни разу прежде не видел лица странного гостя.

Вандерхаузен остановился в дверях и дал хорошенько разглядеть себя. На плечах у гостя развевался темный плащ, широкий и короткий, доходивший едва до колен, ноги были обтянуты темно-лиловыми шелковыми чулками, на ботинках красовались такого же цвета розы. В вырезе плаща мрачно чернел соболиный камзол, руки были затянуты в толстые кожаные перчатки, широкими раструбами прикрывавшие запястья. В одной руке гость держал трость и шляпу, другая тяжело свисала. Длинные седеющие пряди терялись в складках тугого плоеного воротника, полностью скрывавшего шею. До сих пор во внешности гостя не было ничего необычного — но лицо!

Лицо было того синевато-свинцового оттенка, какой вызывается избыточным приемом замешанных на металле лекарств; в неестественно белесых глазах сверкал безумный огонек; губы, такие же синеватые, как лицо, только более интенсивного оттенка, казались почти черными. Выражение лица странного гостя хранило отпечаток злобной, даже сатанинской, чувственности. Удивительно, но болезненный внешний вид, похоже, нимало не заботил состоятельного гостя. За время визита он ни разу не снял перчаток.

Разглядев как следует стоявшего в дверях незнакомца, Герард Доув наконец собрался с духом и нашел в себе силы пригласить гостя к столу. В каждом движении Вандерхаузена сквозило что-то странное, какая-то неестественная механистичность, словно разум его не привык повелевать сложным устройством человеческого тела. За все время визита, длившегося более получаса, гость вымолвил едва ли пару слов; даже хозяин с трудом набрался храбрости, чтобы пробормотать положенные приветствия и любезности. Само

присутствие Вандерхаузена вселяло в сотрапезников такой ужас, что он» готовы были при малейшем подозрительном шорохе в панике обратиться в бегство.

Однако они не настолько потеряли самообладание, чтобы не заметить в поведении гостя две странные особенности. Во-первых, в продолжение всего ужина он не только ни разу не мигнул, но даже не шевельнул веками; во-вторых, весь его облик хранил мертвенную неподвижность, объяснявшуюся тем, что грудь его не вздымалась, как обычно бывает у людей, в такт дыханию. Эти странности могут показаться незначительными, когда о них слышишь или читаешь в книге, однако на присутствующих они производят чрезвычайно отталкивающее впечатление. Наконец Вандерхаузен избавил почтенного художника от своей зловещей особы; когда парадная дверь захлопнулась, все вздохнули с облегчением.

— О дорогой дядюшка! — воскликнула Роза. — Какой страшный человек! Даже за все деньги Нидерландских Штатов я не согласилась бы встретиться с ним еще раз.

— Ах ты, глупышка, — произнес Доув, готовый рвать волосы на голове. — Человек может быть безобразен, как дьявол, однако если сердце у него доброе и дела он творит хорошие, то, будь он хоть в десять раз уродливее, он стоит всех надушенных пустозвонов, что гуляют вечерами по набережной. Роза, девочка моя, красотой ему, конечно, с тобой не сравниться, однако мне известно, что он богат и щедр, а эти две добродетели стоят любого уродства, и пусть они не в силах украсить его лицо, все же не следует думать о нем чересчур плохо.

— Знаешь, дядюшка, — сказала Роза, — когда я увидела его в дверях, то не могла отделаться от впечатления, что он очень похож на раскрашенную деревянную статую, которая так напугала меня в церкви святого Лаврентия в Роттердаме.

Герард засмеялся, ибо не мог в душе не согласиться с племянницей, однако решил по мере возможности не позволять ей чересчур много рассуждать об уродстве будущего жениха. Ему отнюдь не доставляло удовольствия видеть, что племянница, непонятно почему, не испытывает перед незнакомцем того суеверного трепета, который, как ни стыдился художник признаться в этом, Вандерхаузен вселял в него самого и в его ученика Годфри Шалкена.

Назавтра с самого утра в дом со всех концов города начали поступать подарки для Розы: богатые шелка, бархат, драгоценности. Посыльный вручил Герарду Доуву пакет, в котором тот обнаружил составленный по всем правилам брачный контракт, гласивший, что Вилькен Вандерхаузен, проживающий на набережной Боом в Роттердаме, берет в жены Розу Вельдеркауст из Лейдена, племянницу искусного живописца Герарда Доува, проживающего в том же городе. Согласно этому документу, Вандерхаузен брал на себя обязательства выплатить новобрачной сумму, во много раз превышающую ту, на какую поначалу рассчитывал опекун. Последний обязан был распорядиться деньгами в пользу племянницы наиболее разумным способом — тут посыльный вложил в руку Герарда Доува увесистый мешочек.

Я не собираюсь описывать слезливые сцены, жестокость опекунов и великодушные их воспитанниц, смертные муки и бурные чувства несчастных влюбленных. Повесть моя — о неблагоприятии, корысти и бессердечности.

Менее чем через неделю после первого свидания, описанного выше, брачный контракт был подписан, и на глазах Шалкена его невеста, его бесценное сокровище, ради которого он охотно рискнул бы жизнью, была с помпой увезена в карете омерзительного соперника. Два или три дня художник не появлялся в мастерской, но затем вернулся к занятиям; правда, настроение его было уже не то — прежнее радостное воодушевление сменилось какой-то упрямой, осатанелой решимостью. Теперь им руководила не любовь, а честолюбие. Месяц шел за месяцем, однако, вопреки обещаниям жениха, Герард Доув не получал никаких известий о любимой племяннице. Доход от вложенных денег, за которым Вандерхаузен обязался являться каждые три месяца, давно лежал не востребуемым.

Герард Доув не на шутку забеспокоился. Он хорошо запомнил роттердамский адрес минхеера Вандерхаузена и после долгих колебаний решил отправиться туда, чтобы

собственными глазами убедиться, что племянница, к которой он был искренне привязан, живет в радости и достатке. Роттердам находился недалеко, и художник добрался туда без приключений. Однако поиски его были напрасны: никто в городе не слышал о минхеере Вандерхаузене. Герард Доув обыскал все дома на набережной Боом, но не нашел ни племянницы, ни ее странного мужа. Никто не мог сообщить ему ничего полезного, и художнику пришлось вернуться в Лейден с пустыми руками. Тревога сжигала его все сильнее.

Вернувшись в Лейден, Доув первым делом разыскал почтовую станцию, где Вандерхаузен нанял экипаж, громоздкий, но по тем временам весьма роскошный, на котором молодожены отбыли в Роттердам. От кучера он узнал, как проходило путешествие. Карета, двигаясь не спеша, поздно вечером приблизилась к Роттердаму; однако, не доезжая до города примерно мили, была вынуждена остановиться: дорогу преградил отряд вооруженных людей в темных одеждах, со старомодными остроконечными бородками. Кучер в страхе натянул поводья, ибо уже давно стемнело, а дорога была пустынна. Бедный малый почуял недоброе, однако вскоре страхи его понемногу рассеялись: он увидел, что странный отряд — не разбойники, а вооруженная охрана, сопровождающая большой, старинной формы паланкин. Носильщики поставили паланкин на мостовую, после чего жених открыл изнутри дверцу кареты, вышел из экипажа и помог спуститься невесте, а затем усадил ее, горько плачущую и заламывающую руки, в загадочный паланкин, куда сел и сам. Носильщики подняли паланкин и быстро понесли к городу. Не успели они отойти на десять шагов, как тьма скрыла их от глаз кучера. Заглянув в карету, кучер нашел кошелек, содержимое которого в три раза превышало условленную плату за наем экипажа. Больше он ничего не мог сообщить о минхеере Вандерхаузене и его прелестной спутнице.

Тайна эта еще сильнее встревожила и огорчила Герарда Доува. Было ясно, что Вандерхаузен бессовестно провел его, однако, он не понимал, с какой целью. У художника не укладывалось в голове, что человек, обладающий таким состоянием, может оказаться низким проходимцем, и с каждым днем, проходившим без известий о племяннице, страхи его не только не рассеивались, но, напротив, лишь усугублялись. С утратой приветливой собеседницы настроение старика становилось все более подавленным, и, дабы развеять мрачные мысли, заполнявшие долгими вечерами его разум, он все чаще просил Шалкена проводить его домой и разделить с ним одинокий ужин.

Однажды вечером художник и его ученик, сытно поужинав, молча сидели у камина, как вдруг их печальные размышления были прерваны громким стуком у парадного входа. Кто-то отчаянно колотил в дверь, требуя открыть ее. На шум поспешно выскочил слуга. Он несколько раз спросил стучавшего, кто он такой и приглашен ли в дом, но ответом ему был лишь повторный стук. Слуга открыл парадную дверь, и тотчас же на лестнице раздались быстрые легкие шаги. Шалкен поспешил к дверям, однако, едва он успел подняться со стула, как двери распахнулись, и в гостиную вбежала Роза, обезумевшая от ужаса и изнеможения.

Наряд ее удивил их не меньше, чем само ее неожиданное появление. На девушке было надето что-то вроде белого балахона, плотно обхватывающего шею и ниспадающего на землю. Он был с ног до головы забрызган дорожной грязью. Едва вбежав в гостиную, бедняжка без чувств рухнула на пол. Мужчины долго хлопотали над ней; придя в себя, девушка в ужасе воскликнула:

— Вина! Скорее вина, или я пропала!

Непонятное возбуждение красавицы удивило и напугало Герарда. Он поднес ей бокал вина, и девушка с жадностью осушила его, затем с тем же пылом воскликнула:

— Еды! Ради Бога, скорее дайте поесть, или я погибла!

На столе лежал изрядный ломоть жареного мяса. Шалкен хотел отрезать кусок, но, не успев он взяться за нож, как девушка с воплем выхватила у него мясо и, живое воплощение голода, принялась руками разрывать его и запихивать в рот. Утолив наконец голодный спазм, она зарделась от стыда, а может быть, ею овладели другие, куда более сильные и пугающие чувства. Девушка закрыла лицо руками и горько заплакала.

— О, скорее пошлите за служителем Божиим, — взмолилась она. — Мне грозит страшная опасность, он один может меня спасти. Скорее пошлите за ним.

Герард Доув тотчас же отрядил слугу и уговорил племянницу лечь в постель в его спальне. Она согласилась, но при условии, что они ни на минуту не оставят ее одну.

— О, если бы здесь был священник, — проговорила бедняжка. — Он бы меня освободил. Живые и мертвые не могут быть вместе, Господь запрещает это. — Произнеся эти загадочные слова, она оперлась об руку дяди, и тот проводил ее в спальню.

— Прошу, не оставляйте меня ни на мгновение, — взмолилась Роза. — Если вы уйдете, я пропала навсегда.

Путь в спальню Герарда Доува лежал через просторную комнату; они приблизились к порогу. Доув и Шалкен несли свечи, которые давали достаточно света, чтобы можно было различить окружающую обстановку. Как только они вступили в большую комнату, сообщавшуюся со спальней Доува, Роза внезапно застыла на месте и леденящим кровью шепотом произнесла:

— О Боже! Он здесь! Здесь! Смотрите, вот он, вот он!

Она указала на дверь во внутреннюю комнату. Шалкену почудилось, что в спальню скользнула смутная, бесформенная тень. Он выхватил шпагу и, повыше подняв свечу, ворвался в спальню. Там никого не оказалось, если не считать обычной обстановки, и, однако, он готов был дать голову на отсечение, что в спальню кто-то вошел. Художник застыл от тошнотворного страха, по лбу заструился холодный пот. Ужас и мука в голосе бедняжки Розы, молившей, чтобы ее ни на миг не оставляли одну, отнюдь не прибавили ему храбрости.

— Я его видела, — повторяла она. — Он здесь. Мне не померещилось. Я его знаю, он пришел за мной. Он здесь, со мной, в комнате. Ради Бога, если вы хотите меня спасти, не отходите от меня ни на шаг.

В конце концов им удалось уговорить ее лечь в постель; она по-прежнему молила не оставлять ее одну. Девушка бессвязно бормотала, повторяя одни и те же слова:

— Живые и мертвые не могут быть вместе. Господь запрещает это. — И еще: — Неспящие да обретут покой, ходящие во сне да уснут навеки.

Она повторяла эти бессвязные обрывки фраз вплоть до прихода священника. Герард Доув начал, вполне естественно, опасаться, что страх или дурное обращение лишили бедняжку рассудка, и, судя по внезапности ее появления в столь поздний час, по обезумевшим от ужаса глазам, заподозрил, что она сбежала из приюта для умалишенных и боится неминуемой погони. Он решил, что, как только усилиями священника, которого она с таким нетерпением ждет, разум бедняжки отчасти успокоится, он тотчас же обратится за советом к врачам, а до тех пор художник не отваживался ни о чем спрашивать ее, ибо боялся неосторожным вопросом оживить болезненные воспоминания, излишне взволновать несчастную.

Вскоре прибыл священник — человек аскетического вида и почтенного возраста, один из тех, кого Герард Доув искренне уважал за мудрость и искушенность в спорах. Обладатель высоких моральных устоев, тонкого интеллекта и холодного сердца, окружающим он внушал скорее священный трепет, нежели христианскую любовь. Он вошел в переднюю и заглянул в спальню, где, откинувшись на подушки, лежала Роза; завидев бедная девушка зарыдала:

— Святой отец, помолитесь за меня. Волею судьбы я ввергнута в лапы сатаны и только от Неба ожидаю спасения.

Чтобы читатель мог лучше понять, что происходило дальше, я опишу взаимное расположение участников этой ужасной сцены. Старый священник и Шалкен находились в передней, уже описанной мною, куда выходила дверь спальни; Роза лежала в спальне за приоткрытой дверью; возле кровати, внимая горячим мольбам девушки, стоял ее опекун; одна свеча горела в спальне, еще три — в передней. Священник прочистил горло, собираясь, приступить к молитве, но, не успел он начать, как внезапный порыв ветра задул свечу,

освещавшую спальню, где лежала бедная девушка.

В испуге Роза воскликнула:

— Годфри, принесите свечу! В темноте оставаться опасно.

Повинуясь мгновенному порыву, Герард Доув на миг забыл страстные увещевания племянницы и шагнул к дверям спальни.

— О Боже! Нет, дядя, не уходи! — вскрикнула несчастная, вскочила с кровати и кинулась за ним, пытаясь схватить Герарда за рукав, остановить его.

Но было поздно — едва он перешагнул через порог, как дверь, отделяющая спальню от передней, захлопнулась, словно от сильного сквозняка. Доув с Шалкеном бросились к двери, но, сколько ни старались, не могли ни на волосок сдвинуть ее.

Из спальни доносились пронзительные вопли, полные невыразимого ужаса. Шалкен и Доув налегли изо всех сил, но напрасно. За дверью не слышалось шума борьбы, лишь крики звучали все громче; вдруг до них донесся скрип вывинчиваемых болтов, которыми крепилась оконная решетка. Вскоре решетка с грохотом упала на подоконник, звякнуло распахнутое окно. Девушка испустила последний вопль, исполненный нечеловеческой боли и муки, и внезапно наступила мертвая тишина. По полу, от кровати к окну, прошуршали легкие шаги; в тот же миг дверь поддалась, и мужчины, ломившиеся в нее изо всех сил, с разбегу влетели в комнату.

Там никого не было. Окно было раскрыто. Шалкен вскочил на стул и окинул взглядом улицу и канал. На улице не было ни души, однако он заметил, а может быть, ему почудилось, будто по широкой глади канала медленно разбегаются круги, словно мгновение назад в воду погрузилось тяжелое тело.

С тех пор никто никогда не видел больше бедняжки Розы и не слышал ничего о ее таинственном поклоннике. Ни единый намек не помог безутешному художнику проникнуть в хитросплетения лабиринта и хоть на шаг приблизиться к разгадке. Однако вскоре произошел загадочный случай, который, пусть дотошный читатель и не сочтет его доказательством, все же произвел на Шалкена неизгладимое впечатление. Через много лет после описанных нами событий Шалкен, давно сменивший место жительства, получил известие о смерти отца и о предстоящих похоронах его в одной из роттердамских церквей. Шалкеноу с трудом удалось добраться до Роттердама вечером того дня, на который были назначены похороны. Он обнаружил, что погребальная процессия еще не прибыла на место: дорога от отцовского дома до кладбища была неблизкая. День клонился к вечеру, а катафалк с телом был еще в пути.

Шалкен направился к церкви — двери оказались не заперты. Церковные служки заранее получили уведомление о готовящихся похоронах, и склеп, где должно было упокоиться тело, стоял открытым. Причетник, завидев в проходе пришедшего на похороны хорошо одетого господина, гостеприимно пригласил его погреться у огонька, который он обычно разводил зимой в очаге, в каморке, где дожидался появления убитых горем родственников; каморка эта узенькой лестницей сообщалась с расположенным ниже склепом. В этой каморке и расположились Шалкен с собеседником. После нескольких неудачных попыток втянуть гостя в разговор причетнику пришлось набить табаком старую трубку, вечную спутницу его одиноких вечеров. Усталость после сорокачасового путешествия пересилила горе и печаль, и Шалкен крепко уснул. Проснулся он оттого, что кто-то осторожно тряс его за плечо. Сначала он подумал, что его разбудил причетник, но того в каморке не было. Художник стряхнул с себя сон и, оглядевшись по сторонам, различил в полумраке женскую фигуру с лампой в руке, одетую в легкое белое платье, край которого прикрывал лицо наподобие вуали. Женщина метнулась от него к ступеням, ведущим в склеп. Шалкен почувствовал смутную тревогу; ему неодолимо захотелось последовать за незнакомкой. Он рванулся к склепу, но, дойдя до лестницы, застыл на месте. Незнакомка тоже, остановилась и медленно обернулась. Лампа осветила черты ее лица — перед художником стояла его первая любовь, Роза Вельдеркауст. В лице ее не было ни страха, ни печали. Напротив, губы ее изогнулись в той лукавой улыбке, которой в былые дни

так часто любовался юный художник, Любопытство, смешанное с благоговейным восторгом, побудило Шалкена отправиться следом за призраком, если это и вправду был призрак. Девушка спустилась по лестнице — Годфри шел следом за ней — и повернула налево, в узкий коридор. К его крайнему изумлению, она привела его в комнату, убранную по голландской моде прошлых лет, такую же, какие увековечил на своих картинах его учитель Герард Доув. Комната была обставлена роскошной старинной мебелью; в углу стояла кровать с балдахином на четырех столбиках, занавешенная тяжелыми черными шторами. Девушка то и дело оборачивалась к нему с прежней очаровательной улыбкой на устах; подойдя к кровати, она откинула занавеси, и в свете масляной лампы взгляду обьятого ужасом художника предстало мертвенно-серое лицо Вандерхаузена, неестественно прямо сидевшего на постели. При виде его дьявольской усмешки Шалкен без чувств рухнул на пол, где его и обнаружили на следующий день служки, пришедшие закрыть склеп. Он лежал в просторной нише, куда давно никто не заглядывал, возле большого гроба, стоявшего, дабы в него не проникли черви, на четырех невысоких столбиках.

До последнего вздоха Шалкен не сомневался в реальности видения и оставил после себя любопытное доказательство того, сколь сильное впечатление произвело оно на его бурную фантазию. Я говорю о картине, написанной вскоре после описанного здесь случая. Ценность ее не только в том, что в ней ярче всего выразились характерные черты искусства художника; это полотно — портрет первой возлюбленной живописца, Розы Вельдеркауст, чья таинственная судьба никогда не перестанет волновать пылкие сердца потомков.

Комментарии

1

Правильно: **Герард Доу** (нидерл. Gerard Dou, также нидерл. Gerrit Douw, 1613 — 1675) — нидерландский художник-жанрист из круга «малых голландцев».